

еще предстоит решать различным наукам. Впрочем, некоторые основания данной семиотики «указательного обучения» закладывает Жак Лакан в своих работах. Нам представляется, что его идеи в данном отношении являются весьма продуктивными. В частности, граф Лакана позволяет описать тот механизм, в результате которого осуществляется захват знака, придание ему определенного значения в речи человека. Весьма важно то, что, по мнению Лакана, знак «захватывается», приобретает определенный смысл не в результате некоего единовременного акта определения соответствия знака и какого смысла, значения, а в результате, по сути, двойного прихвата. Например, ребенку говорят, что собака лает «гав-гав». В итоге ребенок начинает соотносить знак «собака» с этим самым «гав-гав». Но ведь и «гав-гав» и «мяу» уже существовали в каком-то знаковом контексте. Таким образом, есть возможность данную ситуацию интерпретировать с точки зрения витгенштейновской теории языковых игр, для которой сама граница языка и внешних по отношению к языку объектов существует как динамическая и открытая. Есть и другие достоинства методологии Жака Лакана, которая позволяет анализировать то, каким образом усваиваются значения слов, в результате «работы» указанного выше «двойного прихвата» значения. Это тот край размышлений Витгенштейна о языковых играх, который представляется нам наиболее интересным и продуктивным для всей системы современного гуманитарного знания в плане их развития и детализации, как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практики. Впрочем, для нас, в настоящее время, пока лишь самым общим образом видится возможность создания и формализации принципов подобной семиотики «указательного обучения», но перспективность исследований в данном направлении не вызывает сомнений.

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПОСТМОДЕРНИЗМА

В. А. Сухарева

*магистрантка 1 курса направления «Философия» Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

1. Вступление. Связь между языковым знаком и референтом и природа этой связи в большинстве теорий аналитической философии объясняется формальным образом либо вообще остается за рамками всяких объяснений, существует в статусе явного или

неявного допущения, которое мы вынуждены принимать на основании здравого смысла. В обыденном сознании редко возможен вопрос о том, на каком основании мы связываем и можем ли вообще связать какое-то определенное слово с каким-то определенным объектом, определенное предложение с определенным положением дел, теорию с реальностью. В рамках обыденного сознания эти вопросы не имеют смысла, поскольку критерий «указания пальцем» оказывается не только необходимым, но и достаточным.

Однако если мы рассматриваем язык как язык науки (язык теории), мы не можем основываться на столь шатком фундаменте, как здравый смысл и бытовая самоочевидность. В науке далеко не каждый объект может быть определен остенсивно. Возникает необходимость в более жестком критерии для отграничения пустых знаков от знаков, имеющих референт.

Таким образом проблема природы связи знака и референта выходит далеко за пределы лингвистической теории и, в широком смысле, решается как проблема познаваемости мира – проблема природы и возможности истины (истины в ее классическом понимании, как соответствия между знанием и реальностью).

2. Аналитическая философия. Позитивистская и аналитическая традиции начинались с оптимистического взгляда на проблему взаимной детерминированности языка и реальности, которая, как казалось, решалась с помощью так называемых «протокольных предложений», жестко связывающих факты со знанием, реальность с понятием. Так, Л. Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» отмечал, что «предложение – это образ действительности. Предложение – модель действительности, как мы ее себе мыслим <...>. Предложение показывает логическую форму действительности»⁴⁴. В этом смысле язык, как совокупность всех таких предложений с необходимостью должен соответствовать реальности. Однако, поскольку сама по себе совокупность протокольных предложений не может образовать систему языка без того, чтобы не перейти на уровень теоретической абстракции, которая обеспечила бы необходимую связь этого множества предложений между собой, постольку в таком языке с необходимостью должны возникнуть непротокольные (теоретические) предложения, и постольку оказывается необходимым всякий раз проверять все наши предложения на осмысленность. Поэтому уже тогда были выделены жесткие критерии, которые были необходимы для того, чтобы отличать соответствующие «логике языка» непротокольные

⁴⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html> (дата обращения: 15.10.2014).

предложения с определенным референтом от бессмысленных предложений без реального референта.

Идея протокольных предложений оказалась несостоятельной. От нее пришлось отказаться когда У. Куайн сформулировал свой знаменитый принцип онтологической относительности.

У. Куайн занимался исследованием так называемых процессов овеществления, которые лежат, сначала, в основе процесса обучения языку, и, позднее, процесса языкотворчества. Процесс овеществления начинается с простых предложений наблюдения и впоследствии продолжает содействовать «логическим связям между наблюдениями и теорией, уплотняя функции истинности»⁴⁵. При этом значение предложения оформляется как функция коммуникации. Значение появляется в результате действия бессознательного механизма сопереживания ситуации общения, в которой формируются, уточняются и проверяются правила и нормы употребления тех или иных языковых выражений. Этот бессознательный механизм сопереживания У. Куайн называет эмпатией. Эмпатия равно свойственна как ребенку, который изучает родной язык, так и лингвисту, изучающему чужой язык. Именно стимулы согласия и несогласия со стороны собеседника формируют области и границы значений. В этом смысле значение становится конвенцией, определяемой на основании бессознательного анализа реакций собеседника. Но здесь интересным оказывается тот факт, что референция в рамках такого анализа оказывается «поведенчески непознаваемой»⁴⁶. В примере У. Куайна лингвист вынужден выбирать между несколькими возможными референтами слова «гавагай»: «кролик», «неотделимая кроличья часть» и «наличие кролика в поле зрения в данный момент времени». Все эти возможные референты представляют собой различные предметы, при этом невозможно догадаться о том, какой же из них имеется в виду на основании поведенческих реакций туземцев. Лингвист, изучающий туземный язык, всякий раз вынужден заключать о референте на основании собственного здравого смысла или, иначе, он вынужден домысливать, догадываться о референте. Таким образом, на уровне радикального перевода сам экстенционал становится загадочным, неопределенным»⁴⁷.

Более того, У. Куайн обнаружил, что проблема радикально го перевода возникает еще в родном языке. Невозможно однозначно интерпретировать языковое выражение собеседника,

⁴⁵ Куайн У. Преследуя истину. М.: Канон+, 2014. С. 54.

⁴⁶ Куайн У. Онтологическая относительность. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine2.html> (дата обращения: 15.10.2014).

⁴⁷ Там же.

поскольку мы всякий раз интерпретируем его вовсе не относительно объекта-референта, а относительно наших собственных слов – то есть относительно некоего «предпосылочного языка» или метаязыка. Однако здесь мы вынужденно впадаем в бесконечный регресс, так как вопросы о референции относительно предпосылочного языка в свою очередь осмысленны только относительно некоторого дальнейшего предпосылочного языка. Таким образом, вопрошать о референции каким-либо абсолютным способом – невозможно. «То, что делает онтологические вопросы бессмысленными, если они рассматриваются абсолютно, – это не их универсальность, а их свойство быть логическим кругом»⁴⁸, – пишет У. Куайн. На практике мы, конечно, останавливаем этот регресс чем-то вроде указания пальцем, но ведь далеко не каждый объект может быть определен через остенсию. Таким образом, «протокольный язык» как эмпирический базис науки становится невозможным, поскольку исчезает критерий демаркации предложений наблюдения и теоретических предложений: наши ощущения требуют интерпретации, которая зависит от наших ожиданий и внутренних (явных или неявных) максим.

Принцип онтологической относительности для аналитической традиции остался неприемлемым допущением. Так, Х. Патнэм считает возникновение принципа онтологической относительности результатом неверной трактовки природы языка. Он возвращается на позиции эссенциализма, согласно которому объекты окружающего мира имеют внутреннюю природу, независимую от сознания познающего. Другие философы-аналитики, такие как Р. Карнап, пытались избавиться от проблем, связанных с «протокольным языком» с помощью сведения онтологии к формальной семантике, то есть перевернув отношения онтологии и языка таким образом, чтобы онтология стала производной языка, а истина определялась бы чисто формально, как значение суждения.

3. Постмодернизм. Несмотря на свои неутешительные следствия, идея онтологической относительности не потеряла своей привлекательности. Ее перенимает постмодернистская традиция, в частности в лице Ж. Деррида.

Метафизический предрассудок, лежащий в основе наших представлений о связанности логоса и бытия, постмодернистами открыто отбрасывается. Постмодернисты также выступали против идеи тотальности языкового сознания. Им принадлежит идея главенства бессознательного в языке и языковых структурах, идея, идущая в разрез с представлениями большинства философов аналитической традиции, для которых примат логики в процессе языкотворчества остается бесспорным.

⁴⁸ Там же.

Ж. Деррида демонстрирует нам, что ни один знак в действительности не соотносится с референтом. Ж. Деррида обращается к истории философии и показывает, что сомнения в возможности непосредственной связи между словом и логосом, словом и первосмыслом бытия возникли уже у Ф. Ницше и М. Хайдеггера. В частности, Ж. Деррида указывает, что «письмо, порождение текста, были для Ницше актами “изначальными” предварительными по отношению к смыслу и вовсе не были обязаны этот смысл открывать или переписывать, а сам смысл отнюдь не являлся истиной, явленной в первостихии, не являлся наличием логоса»⁴⁹. Хайдеггеровская постановка вопроса о смысле бытия в своей основе также оказывается неоднозначной. Так, Хайдеггер говорит о языке, как о голосе бытия, но добавляет, что этот голос безмолвен, беззвучен, бессловесен и изначально афоничен. Здесь Ж. Деррида усматривает в позиции Хайдеггера разрыв с метафизикой наличия и логоцентризмом. Слово «бытие» Хайдеггер записывает, перечеркивая его крестом, уступая непреодолимому противоречию между бытием, понятым как явленность, и необходимостью, неустранимостью тайны бытия. Этот компромисс выявляет новый смысл бытия. На этом этапе в философии зарождается динамика, влекущая мысль прочь от метафизики наличия.

Важным этапом в деконструкции простого наличия стало феноменологическое понимание времени, основанное на вскрытии диалектического движения-смены горизонтов настоящего и будущего, которые, пересекаясь в моменте настоящего (настоящее здесь, отмечает Ж. Деррида, понимается в метафизическом смысле, как момент наличия), преобразуются в предвосхищение (протенцию) и удержание (ретенцию). Следующим шагом, с точки зрения Ж. Деррида, мог бы быть полный отказ от настоящего, понимаемого как некое первоначальное единство, отказ от простой линейной и однородной структуры времени, в которой сохраняется последовательность прошлого, настоящего и будущего. Но Гуссерль предпочитает сохранить однородность структуры настоящего, оставаясь тем самым во власти метафизического предрассудка. Важным для Ж. Деррида здесь оказывается то, что феноменология создавала теорию внутреннего сознания времени. Сознание, как источник очевидности, как инструмент утверждения истины и бытия, – вот источник картезианского дуализма, вот главная опора метафизики. Единственной возможностью сокрушить неоспоримый авторитет сознания оказывается признание бессознательного в качестве равноправной составляющей человеческой психики; вход в игру бессознательного открывает новые основания для восприятия, в том числе и для восприятия времени. Врываясь в линейный поток

⁴⁹ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 135.

восприятия времени, проявления бессознательного, разрушают однородную структуру времени, создавая трещину (разрыв, разбивку) (проявляющийся как своего рода слепое пятно, область неосознанного, неосознаваемого). Показательно для Ж. Деррида и то, что Ф. де Соссюр указывал на бессознательность речевой деятельности, укорененной в языке и на «разбивку» как на начало означивания.

Таким образом, с точки зрения Ж. Деррида, знаки выстраиваются вовсе не вокруг логоса, как истины и наличия бытия, а, напротив, вокруг отсутствия или, скорее, вокруг неналичного. Внутри знака пустота, разрыв, трещина – ничто, неизвестное. Внутри знака прячется трещина в господстве сознания, а стало быть, трещина в господстве самого субъекта. «Итак, разбивка как письмо есть становление субъекта отсутствующим и бессознательным»⁵⁰, – пишет Ж. Деррида. Здесь же рождается «эмансипация знака», в основе которой лежит «желание наличия» с последующим конституированием наличия на месте отсутствия.

Таким образом, сам знак выступает средством сокрытия отсутствия референта через конструирование смысла. Подобно тому, как сознание стремится скрыть разрывы в структуре осознанного, используя механизм рационализации, язык скрывает трещины и разрывы в смысловых цепях с помощью знаков. Знак никогда не несет в себе какого-то «собственного смысла», знак есть чисто номинальное единство, которое неизбежно распадается под энтропийным действием игры неналичного. Тем самым, в языке себя выражает вовсе не сознание, а бессознательное.

Ж. Деррида ставит под вопрос понятия означаемого, означающего и даже понятие знака как такие категории семиотики, которые больше не несут в себе никакого значимого смысла. В результате процесса «децентровки» исчезает последнее различие между означаемым и означающим: в отсутствии организующего принципа означаемое функционирует как означающее, оно больше не может мыслиться как чистое выражение истины бытия, в тотальности игры разрушается сама логика знака. В отсутствии структуры «игра обращается на саму себя, размыкает те границы, из-за которых еще была надежда как-то управлять круговоротом знаков, увлекает за собой все опорные означаемые, уничтожая все плацдармы, все те укрытия, из которых можно было бы со стороны наблюдать за полем языка. В конечном счете, все это означает разрушение понятия “знака” и всей его логики»⁵¹. Ж. Деррида отмечает, что понятие знака теряет свой смысл и что от него, по большому счету, следовало бы

⁵⁰ Там же. С. 196.

⁵¹ Там же. С. 120.

отказаться. Ведь, в конце концов, в отсутствии центра не может быть ни означаемых, ни означающих, ни знака, как единства неоднородных элементов; в отсутствии центра слова не могут отсылать ни к какой реальности, они способны лишь отсылать к другим словам: «в отсутствии все становится дискурсом»⁵².

Ж. Деррида отвергает знак, как статическое структурное единство, вскрывает его динамические основы, движение которых создает знак как моментальный эффект. «Имени [читай знака] на самом деле нет, – пишет Ж. Деррида, – <...> это неименуемое выступает игрой, обеспечивающей номинальные эффекты, называемые именами относительно целостные или атомизированные структуры, цепи замещений имен, куда, к примеру, вовлечен, захвачен, вновь записан и сам номинальный эффект “различение” – поскольку обманчивое вхождение или обманчивый выход есть тоже часть игры, функция системы»⁵³. Таким образом, на уровне игры формируется, во-первых, особый эффект, эффект в большой степени мимолетный, который можно назвать эффектом реальности или эффектом референта, или, что для Ж. Деррида то же самое, эффектом смысла или истины, а, во-вторых, формируется сам знак, как эффект этой игры. И здесь Ж. Деррида завершает деконструкцию знака, он идет дальше к тем фундаментальным силам, которые предшествуют знаку и конституируют его. Ж. Деррида вводит понятие следа, и, тем самым становится понятным, каким образом происходит распад структуры знака, который как бы растягивается, рассыпается в бесконечные ряды «означающих означающих», в результате чего бессмысленным становится само разграничение понятий языка и метаязыка. Иными словами, мы всегда имеем дело с метаязыком метаязыка, поскольку объектный язык всякий раз лишь «делает вид», что говорит об объекте.

Ж. Деррида не останавливается на вскрытии оснований означивания (на понятии следа), но идет дальше, проникая в истоки движения означивания, отыскивает фундаментальный принцип следа как движения знака-симулякра. И этим принципом, который лежит в глубине и в «начале» всего, Ж. Деррида называет различение (*différance*). Данное понятие представляет собой неологизм, введенный Ж. Деррида, и имеет сложную этимологию, в которой пересекаются несколько смысловых оттенков, среди которых есть смыслы отстранения и отсрочивания, откладывания на будущее, промедления. Но ни один из этих смыслов нельзя назвать доминирующим, понятие различения необходимо

⁵² Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. С. 354.

⁵³ Деррида Ж. Различение // Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. С. 203.

Ж. Деррида именно постольку, поскольку оно полисемично и направляет сразу ко всей совокупности своих значений. В качестве рабочего определения различия можно взять следующее: «то, что пишется различие, будет, следовательно, движением игры, которая “производит”, не являясь просто деятельностью, эти различия, эти следствия различия»⁵⁴. Различение — это то движение, благодаря которому всякий код, в том числе и язык, «конституируется как ткань различий»⁵⁵. В этом смысле различение лежит в основе сосюровского принципа различия. Кроме того, различение представляет собой условие самой оппозиции различия и тождества (наличия и неналичия), находясь как бы по ту сторону них. Различие делает возможным движение значения, и здесь проявляется тесная внутренняя связь понятий следа и различения: различение по отношению к следу выступает «архиследом» или «архиписьмом», которые Ж. Деррида дополнительно определяет как «неизначальный, синтез отпечатков, следов ретенций и протенций»⁵⁶ (движение производства различий без фиксированного начала).

Но кто, спрашивает Ж. Деррида, является субъектом различения, «что различает? кто различает?»⁵⁷. Стоит ли за различением вещь или субъект? некий «безмолвный субъект»⁵⁸? В этом вопросе Ж. Деррида скрывается вопрос о наличии. И ответ на него должен быть отрицательным, различение должно рассматриваться как исходящее из того, что никогда не присутствовало. Различие отмежевывается от онтологии. «Различие не есть. <...> оно ничем не управляет, ни над чем не царствует, нигде не употребляет никакой власти»⁵⁹. Иными словами, различие не представляет собой властной структуры, такой как структура знака. Более того, всякая онтологическая проблематика, включая представление о смысле и об истине бытия, должна рассматриваться как эффект, производимый движением различения: «различение, некоторым и очень странным образом, (есть) нечто более “старое”, чем онтологическое различие или истина бытия»⁶⁰. Не менее странным образом различение теряет всякую глубину: у различения нет никакого иного основания, никакой внешней поддержки, таким образом, различение есть в себе последний, предельный принцип.

⁵⁴ Там же. С. 181.

⁵⁵ Там же. С. 182.

⁵⁶ Там же. С. 184.

⁵⁷ Там же. С. 186.

⁵⁸ Дьяков А. В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. С. 220.

⁵⁹ Деррида Ж. Различение // Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. С. 196.

⁶⁰ Там же. С. 197.

Но, Ж. Деррида отмечает, что различие, понятое как нечто, более «старое», чем бытие.

4. Заключение. Исходя из рассмотренных концепций возможных соотношений между языком и референтом, можно заключить о близости идей и результатов исследования двух параллельно развивающихся традиций. Аналитическая философия в лице У. Куайна, вскрывает безосновательность допущений о возможности однозначного соответствия между языком и реальностью. Уже Куайн признает, говоря об эмпатии, лежащей в основе механизмов освоения языка, что связь между знаком и референтом возникает бессознательно, в результате естественной реакции человеческого сознания на языковое воздействие и такой же естественной интуитивной надежды на понимание собеседника.

Постмодернистская традиция, в свою очередь, показывает, что, ни язык, ни реальность не могут быть приняты в качестве некой базовой области, общие законы которой каким-то образом обосновывают законы другой. В этом смысле, с точки зрения Ж. Деррида, ошибочно было бы рассматривать онтологию в качестве производной языка, а философию - в качестве металингвистической дисциплины. И язык, и онтология имеют равный статус, поскольку имеют единое начало – то, что Ж. Деррида называет термином «различие». Мы можем интерпретировать термин «различие» менее метафорично, нежели то делает сам Ж. Деррида, и отнести его к области глубинных основ человеческой психики – к бессознательному. Если бессознательное действительно является тем источником, который определяет законы структурирования области значений, и области восприятия чувственных данных, то мы можем заключить о существовании структурного соответствия между человеческим языком и реальностью, такой, какой ее воспринимает человеческое сознание. Однако даже наличие подобного рода структурного соответствия не является достаточным основанием для взаимной детерминации языка и референта, поскольку разрыв между ними сохраняется. Язык и реальность представляют собой эффекты бессознательного, и в этом источник их схожести. Однако в том же бессознательном заключается источник их сущностного различия, поскольку как язык, так и реальность располагаются по отношению к бессознательному асимптотически, то есть не пересекаются ни с бессознательным, ни друг с другом. Бессознательное выступает как условие возможности языка и реальности, условие неналичное, уже всегда стертое.

Эмпатия, как механизм бессознательный, позволяет преодолеть разрыв между знаком и референтом путем скачка от одного

к другому. Но она не может быть признана средством постижения научной истины в виду своего явно мистического характера. Это лишь еще раз подтверждает то, что всякая теория временна, поскольку существует лишь как временная компенсация отсутствующего и недостижимого смысла.